

ВСПОМИНАЯ ТОТ ДЕНЬ

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ
ЖИТЕЛЕЙ ПТИЦЕГРАДА О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ

Светлана Синцера

ВСПОМИНАЯ ТОТ ДЕНЬ

Сборник воспоминаний
жителей Птицграда
о военном детстве

2016

ББК 84(2Рос=Рус)6
С 38

Автор-составитель
Светлана Дмитриевна Синцера

Вспоминая тот день. Сборник воспоминаний жителей Птицеграда о военном детстве. — Сергиев Посад: ИЦ «Содействие», 2016. — 48 с.

В авторской редакции.
Фото автора.

В книге использованы фотографии из семейного архива Светланы Синцеровой

Мнение автора-составителя сборника может не совпадать с мнением авторов

ISBN 978-5-906296-05-4

© Синцера Светлана Дмитриевна, 2016 г.

*Всмотритесь в собственную память,
Навечно слитую с войной...*

Е.Хухтикова

Страшные дни 1941-1945 годов навсегда останутся в памяти людей, переживших то время. Боль целого поколения мы видим в глазах очевидцев Великой Отечественной войны, и эту боль никогда не унять...

В апреле-мае 2015 г. Общественная палата Московской обл. проводила фотоконкурс «Вот мой герой», посвящённый 70-летию Победы. Участвуя в этом фотоконкурсе, я не только фотографировалась с ветеранами, проживающими в микрорайоне Птицеград г. Сергиева Посада, но и записывала их воспоминания о тяжёлом военном времени.

Мне захотелось воплотить в жизнь идею организаторов фотоконкурса «Вот мой герой» о сохранении для молодого поколения памяти о ветеранах Великой Отечественной войны. В конце 2015 года я издала книгу «Ветераны Птицеграда» — сборник фотографий и воспоминаний о военном времени участников ВОВ и тружеников тыла, проживающих в Птицеграде.

Я попыталась восстановить связь между поколениями: показать местным жителям фотографии земляков — истинных героев, которые отстояли родину ради нашего будущего. Ведь это не просто фотографии, а живая история...

Я не ожидала, что моя книга доставит людям столько радости! Причём не только ветеранам, но и членам их семей, родственникам, знакомым, соседям.

Этот метод сохранения памяти о земляках наиболее действенный. В нашем небольшом посёлке все знают друг друга в лицо, поэтому жители, и особенно молодёжь, стали с интересом читать воспоминания ветеранов — людей, с которыми они давно знакомы.

Однажды ко мне на улице подошла женщина и сказала: «Спасибо Вам за книгу. Вы делаете очень полезное и нужное дело...»

Прочитав книгу «Ветераны Птицегграда», многие местные жители захотели поделиться со мной воспоминаниями о своём военном детстве. Весной 2016 года я приступила к работе над новым сборником. Взяв блокнот и ручку, я ходила по Птицегграду в поисках героев этой книги и записывала под диктовку воспоминания местных жителей о военном детстве. Так родился сборник «Вспоминая тот день».

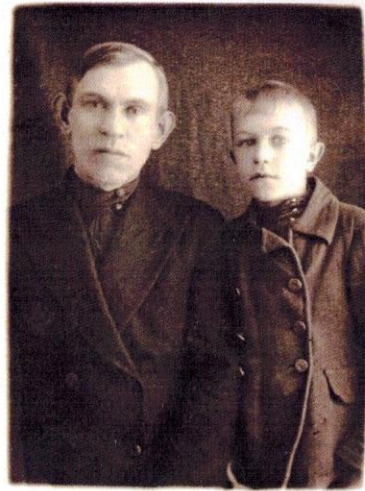
Все герои этого сборника — труженики тыла и дети войны — в настоящее время проживают в Птицегграде. Это строго документальная книга: в ней представлены воспоминания очевидцев давно прошедшей страшной войны о событиях, которые навсегда остались в их сердцах...

Выражаю глубокую признательность и благодарность жителям Птицегграда, поделившимся со мной своими детскими воспоминаниями о тяжёлом военном времени, о пережитом и увиденном в годы войны.

*Автор-составитель
Светлана Синцорова,
поэтесса, лауреат премии Губернатора
Московской обл. «Наше Подмосковье»*

Детям войны посвящается

Старые фотографии... Они несут в себе особую энергетику, неподвластную времени. Они переносят нас назад, передавая характер и дух прошедшей эпохи социализма.

«Мы очень много работали», — говорили героини этого сборника, вспоминая военное и послевоенное время. Прекрасная пора их жизни, которая называется детством, была изуродована войной, замучена голодом и болезнями. Наверное, поэтому все они рассказывали о детстве со слезами на глазах...

Эти люди пережили и Великую Отечественную войну, и развитый социализм, и его крушение вместе со страной, ведущей к «светлому будущему».

У меня остались неизгладимые впечатления от встреч с людьми, которые многое повидали в своей жизни. Я получила массу положительных эмоций, общаясь с ними и восхищаясь оптимизмом, доброжелательностью и жизнелюбием этого удивительно-стойкого поколения.

Низкий поклон, вам, труженики тыла и дети войны.

Светлая память ушедшим...

*С уважением,
Светлана Синцера.*

Гильберт Зоя Сергеевна (1929 года рождения)

РАЗГОВОР С ПАМЯТЬЮ

*Какая штука — наша память:
Её, как запись, не сотрёшь,
Как памятник, не переплавить,
И как бумагу, не сожжёшь...*

З.С.Гильберт

В годы войны Загорск был одноэтажным, дети бегали по городу босиком. По мощёным дорогам лошади развозили продукты по магазинам. В центре города стояли три многоэтажных дома, недалеко от них — ещё два кирпичных ЗОМЗовских дома, а остальные — одноэтажные или двухэтажные (низ — кирпичный, верх — деревянный).

Я до сих пор не люблю получать письма. Сразу вспоминаю войну: как мы с тревогой ждали почтальона. Много забылось, даже чувство голода, а вот как ждали почтальона — я запомнила на всю жизнь. Когда почтальон входил в дом, сердце бешено стучало, и секунды казались часами. Если он доставал треугольник, мы радовались, а если похоронку — начинали плакать...

Люди были добрее и проще, морально поддерживали друг друга.

Шла война... Одна система воевала с другой. Сейчас говорят: «А нужно ли было держать оборону Ленинграда...» Я считаю, что делать выводы — «как надо было» — имеет право только тот, кто жил в то время, кто всё это пережил. Люди отдавали жизни — они были патриотами, они были так воспитаны.

*С гранатами ползли под танки
И закрывали телом дзоты.
Неправда! Их никто не гнал!
Они все были патриоты.
(«Разговор с памятью»)*

Сейчас новоявленные историки пытаются всё переделать. Мне очень больно, когда стали переписывать историю и события, стали сносить памятники, начались войны. Я хочу, чтобы осталась правда.

Когда умер Сталин, все плакали... Нельзя оправдать Сталина за разрушение церквей, раскулачивание. Но при всех отрицательных сторонах, Сталину нельзя приписать, что он воровал миллиарды у народа — он скромно жил на казённой даче, ходил в хромовых сапогах.

Первый год войны был самым тяжёлым. От голода жителей Загорска спасали огороды: война началась 22 июня, и к этому времени уже посадили огороды. Мы вместе с учителями пилили деревья, делали завалы. С северной стороны защищали Москву: танки не могли пройти через поваленные деревья. Первые два месяца не учились, а работали на полях: выкапывали картофель, собирали оставшиеся в поле колоски — все до единого. Тыл, голодая сам, до последней картофелины, до последнего колоска, всё отправлял на фронт. Голодными были первый год войны и 1947 год, пока по указу Сталина не раскопали целину.

ЗОМЗ и ЗЭМЗ эвакуировали, и на их площадях развернулись военные заводы. Дети старше 12 лет работали на станках. Чтобы достать до станка, под ноги ставили ящики. Дети, сразу ставшие взрослыми, неделями не выходили с завода: ели и спали в цехах. На станках работали, в основном, мальчишки. Мы, девочки трудились на полях, а по вечерам вязали крючком носки, варежки и перчатки для фронта. Керосиновые лампы не зажигали — для них требовалось слишком много керосина. До войны продавали маленькие игрушечные сахарницы для кукол. Мы продевали в крышку нитки, наливали в сахарницу керосин и при тусклом свете фитилька вязали.

Загорск бомбили два раза: сначала вокзал, когда эвакуировали заводы, потом — Скоропусковский завод: тогда погибло много людей, которые возвращались со смены. Немецкие самолёты летали над Загорском так низко, что мы отчётливо их видели. Они сбрасывали листовки. На одной стороне листовки был портрет Сталина и надпись: «Последний нынешний денёчек гуляю с вами я, друзья», а на другой — портрет Гитлера с надписью: «Широка страна моя родная». Мы собирали листовки и уничтожали.

Во время войны я много раз смотрела фильм, как под Курской дугой взяли в плен немцев. Мороз доходил до минус сорока, наши солдаты были одеты очень тепло: в валенках, рукавицах. А немцы окоченели: их вели жалких, обмороженных. Это были уже не те немцы, которые ехали на мотоциклах, засучив рукава, а несчастные, замёрзшие, обмотанные в какое-то тряпье. Их жалкий вид поднимал моральный дух советских людей.

День Победы... Это была радость не только народов СССР — это была радость во всём мире. Все ждали Победы и все радовались. Такого огромного количества людей, одновременно испытывающих радость, никогда больше не было!

Многие моменты жизни приносили мне радость, но такой радости я больше никогда не испытывала.

Волошина Людмила Ильинична (1932 года рождения)

ЗАПИСКИ

До войны мы жили в Загорске на Кировке. Со всей улицы дети собирались в нашем большом дворе. Играли в «Чижика» и «Лапту», в мяч, а ещё ходили в Городской парк возле Лавры — там качались на качелях.

В воскресенье мы, как обычно, с утра пошли в парк и вдруг увидели, что на лужайке возле нашего дома собрались взрослые и стали что-то обсуждать. Они говорили, что будут давать карточки на хлеб, но мы не придали этому значения и пошли гулять.

Когда я вернулась домой, отец сказал, что началась война! Мне было девять лет...

Война началась в воскресенье, а уже в понедельник мужчины пошли не на работу, а в военкомат.

Полк народного ополчения располагался в Гефсиманском скиту. Однажды мы увидели, как ополченцы идут строем к станции. И написали им записки: «Бейте немцев! Возвращайтесь к нам с победой!» В эти короткие записки была вложена вся наша ненависть к врагам.

Мы бежали вдоль колонны ополченцев, стараясь сунуть в руки мужчинам записки. И верили, что они станут для бойцов оберегом — ведь в них сосредоточилась наша аура ненависти... Когда прощались на вокзале, все плакали и кричали.

Отец ушёл на фронт вместе со своим братом. Оба погибли в 1941 году. Мужчина, которому я отдала свою записку, чудом выжил. После войны мы встретились! И он рассказал, как пронёс мою записку через всю войну — она оберегала его...

Мы голодали, не было ни одежды, ни обуви. В Институте игрушки, где до войны работал отец, мне дали деревянные шлёпанцы на каблуке. Я в них с трудом ходила.

Почти каждый выходной в Институте игрушки накрывали столы и приглашали нас обедать. К нам, детям, здесь очень хорошо относились.

Я пошла учиться в школу ФЗО (фабрично-заводского обучения) при трикотажной фабрике. Обучалась на вязальщицу на станке. Как же я была рада, когда мне выдали вязаное платье! А по вечерам кормили в столовой на фабрике.

Мы, дети, выжили только благодаря доброте и заботе людей. Все были простые, открытые — чудесные люди были, не то, что сейчас...

Краснова Елена Васильевна (1931 года рождения)

ГОЛОД

Когда началась война, мне исполнилось десять лет. Мы жили в Загорске на Комсомольской улице. В нашей семье было четверо детей — все мы выросли в одной бельевой корзине.

Отца на фронт не взяли: он был старше мамы на 30 лет. До войны отец работал парикмахером, делал парики, шиньоны и косы для театра. Во время войны он остался без работы.

Начался голод. Я училась в школе на Вальной улице. Голодная шла в школу, голодная возвращалась домой, и дома никакой еды не было...

В нашей семье родился пятый малыш. Мы голодали. Мама давала мне маленький кусочек хлеба, чтобы я пожевала его для младенца и положила в марлю. Когда жевала хлеб, очень хотелось его проглотить! Но я понимала, что нельзя — иначе младенец умрёт от голода. У него были тоненькие, как спички, ручки и ножки, и вздутый живот.

Отец и младенец одновременно умерли от голода...

Нам никто не помогал, мы ни у кого ничего не просили.

Старшие братья рыли окопы, устанавливали противотанковые ежи.

В годы войны выдавали продовольственные карточки: детям — 300 г хлеба, служащим — 400 г, иждивенцам — 250 г. Мама отдала продовольственные карточки моему младшему брату. Он стоял в очереди за хлебом и потерял их... Мы остались на целый месяц без хлеба! Мама легла и сказала: «Вы как хотите, а я буду умирать...»

Мне было 12 лет, я взяла промтоварные карточки, которые нам не на что было отоварить, продала их и купила четверть буханки хлеба. До сих пор помню, что четвертинка хлеба стоила 50 рублей.

Я стала ходить по Загорску и смотреть, как люди зарабатывают деньги. Вижу: женщины торгуют семечками, продают их маленьким стаканом.

Я купила в другом месте пять больших стаканов семечек и стала продавать маленьким стаканом. Из пяти стаканов у меня получилось шесть! Так я заработала первые в своей жизни десять рублей. За целый день мне удалось заработать 50 рублей на четвертинку хлеба.

После отца остались куртка и ботинки. Мама обрезала у куртки рукава, и я в ней торговала семечками. Ходила в папиных ботинках, обматывая ноги газетами.

Всю войну я торговала семечками, и сама себя называла «спекулянткой» — лишь бы не умереть с голоду... Торговала возле трикотажной фабрики: девчонки шли с работы и покупали у меня семечки.

Нас, детей, посылали в колхоз убирать картошку, пропалывать брюкву. Мы драли мох для скотных дворов — им утепляли стены, прокладывая между досок, чтобы коровы не мёрзли зимой.

Мама работала надомницей в артели на трикотажной фабрике. Распускала маленькие лоскутки (обрезь трикотажа) на нитки и вязала береты.

В День Победы я плакала. Другие дети встречали отцов, а нам встречать было некого...

После войны я устроилась ученицей на трикотажную фабрику, окончила школу рабочей молодёжи и поступила в Московский техникум лёгкой промышленности.

Уткина Раиса Васильевна (1927 года рождения)

ПТИЦЕГРАД В ГОДЫ ВОЙНЫ

В 1939 году наша семья переехала жить в Птицеград из Пензенской обл. Мы поселились в подвале дома, который сохранился до сих пор — это старое здание детского сада «Петушок».

В Птицеграде в то время была маленькая деревянная школа. Нашему классу не хватило в ней места, и мы стали учиться в новом семинарском корпусе Спасо-Вифанского монастыря — там был научно-исследовательский институт птицеводства. Помню, как на переменах мы катались по очень гладкому полированному паркету в длинном коридоре.

Началась война. У дороги к нашему дому росла большая старая липа, на ней висел репродуктор. Пожилая женщина стояла возле липы и плакала навзрыд. Мы, дети, ещё не понимали, что случилось и почему она так сильно плачет, но когда начался голод, всё поняли...

По вечерам мы слушали гул самолётов: если сплошной гул — значит, летит наш самолёт, а если прерывистый — то немецкий.

Отец и два старших брата ушли на фронт. Отец служил в обозе: на лошади подвозил снаряды на передовую. Когда начинался обстрел, он с лошадью прятался под деревьями. Лошадь была такая умная, что по приказу ложилась на землю...

В Птицеграде, в хозяйстве, начали забивать всё поголовье птицы, чтобы оно не досталось врагу. Я помогала ощипывать уток.

В инкубаторах, которые находились в здании бывшего Птицеградского клуба, сушили капусту для фронта. Яйца в инкубаторы не закладывали — сокращали поголовье птицы.

Начался голод. В здании семинарии Спасо-Вифанского монастыря был госпиталь. Возле госпиталя выбрасывали картофельные очистки, мама их собирала. Врачи запретили подбирать с земли отходы и распорядились облить их хлоркой.

В то страшное, голодное время добрых людей было больше, чем сейчас. Когда мама пришла за очистками, их положили ей прямо в ведро.

Дядя Сеня работал на складе. Однажды вечером он постучал в наше окно (мы жили в подвале) и дал нам небольшой мешочек отрубей. Мама смешивала их с картофельными очистками и пекла лепёшки.

Мы ходили пешком из Птицеграда в деревню Абрамово: там в овощехранилище зимой замёрзла картошка. Овощехранилище не охранялось. Мы собирали картошку и мыли её в ручье.

Когда немцы стали отступать, в хозяйстве начали увеличивать поголовье птицы. Инкубаторы потребовались для цыплят, и сушить капусту в них перестали.

В Загорске в то время была трудовая артель, где выдавали надомникам шерстяную пряжу. Мама и её сестра вязали носки для фронта. Мама умела очень быстро вязать, практически не глядя на спицы — за день могла связать три носка.

В 1942 году стали раскапывать всю землю под огороды. Мы с мамой копали целину под картошку. В этом же году завели коз.

В Птицеграде было два стада коз — одно совхозное, другое — НИИПовское (НИИП — научно-исследовательский институт птицеводства).

Я пошла работать. Научилась сама запрягать лошадь. На лошади возила воду с водокачки на птичники. Башня водокачки сохрани-

лась до сих пор на территории Спасо-Вифанского монастыря.

Возле Птицеградской котельной был небольшой лес. В нём стояли маленькие домики для цыплят. Когда цыплята мёрзли, они сбивались в кучу, давили друг друга и задыхались. Мне было жалко их, я раскидывала цыплят в разные стороны. Подростшие цыплята уже не сбивались в кучи, а взлетали на низкие деревья. Я пыталась согнать их и вернуть в домики, чтобы ночью не утащила лиса.

В начале осени 1943 года я стала работать учётчицей в хозяйстве, боялась выпить сырое яйцо на птичнике — в те годы было очень строго.

В эту же осень меня послали в подсобное хозяйство на уборку урожая.

Подсобное хозяйство называлось «Ворошиловский участок», сейчас там находится Конкурсный племенной птицеводческий завод. Ездили туда на лошадях через Запрудный и Афанасово. Мы вязали снопы, подавали их вилами на телегу. Около молотилки развязывали снопы. Ночевали там же, на соломе. Я проработала в подсобном хозяйстве всю осень.

В 1944 году пошла работать на почту, на коммутатор. В Птицеграде было 20 телефонных номеров. Я принимала и отправляла телеграммы.

Мне завели трудовую книжку, т.к. уже исполнилось 16 лет. Война заканчивалась, начинались трудовые будни...

Урвачёва Мария Васильевна (1934 года рождения)

МЫ ЖИЛИ В ПТИЦЕГРАДЕ

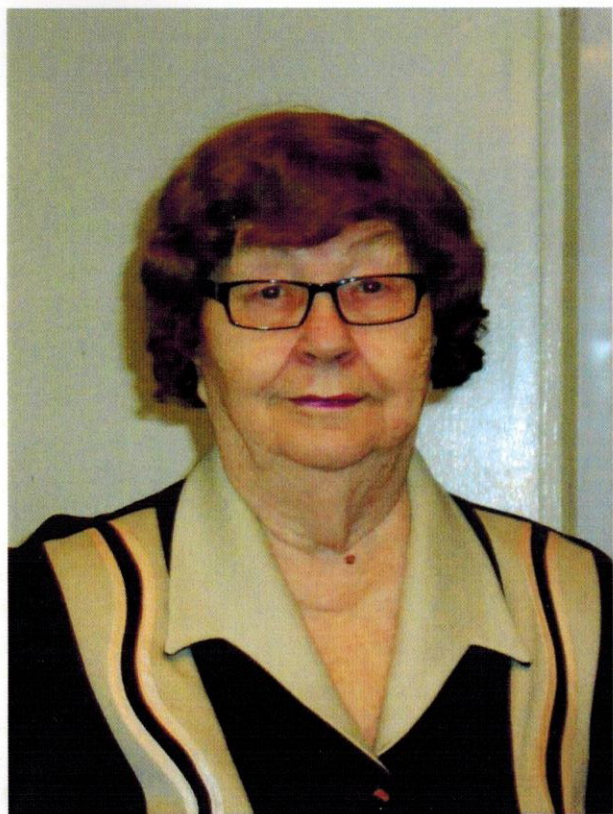
Отец и два брата ушли на фронт. Я с сёстрами голодала, ходила в старой одежде и обуви.

В корпусе Вифанской Духовной семинарии в годы войны была пекарня: пекли хлеб для жителей Птицеграда. В хлеб добавляли картошку. И мы, голодные дети, стояли в очереди у пекарни за очистками картошки.

Между нашим домом и соседним была колонка с водой. Однажды утром мы проснулись и увидели у колонки военных и лошадей. Сразу замерло сердце: «Немцы!» Но это оказались наши солдаты, они мылись на колонке. Их распределили по домам, в нашем доме тоже жили солдаты.

Помню, как над Птицеградом летали самолёты и сбрасывали бомбы возле котельной. Было очень страшно... Больше всего я боялась света прожекторов.

Мы, дети, бегали потом к котельной смотреть воронки от бомб.

Шахнова Людмила Васильевна (1931 года рождения)

ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА

В начале войны мы строили убежища: вырывали ров, вбивали стволы деревьев, чтобы не осыпалась земля, сверху накрывали фанерой и ветками деревьев. На каждый дом было своё убежище.

По вечерам гудела страшная сирена — сигнал воздушной тревоги. Объявляли: «Воздушная тревога...»

Однажды, когда наша семья была в убежище, в тишине раздалась шаги... «Немецкий десант!» — подумали мы и очень испугались. Но потом выяснилось, что во время воздушной тревоги из конюшни убежали лошади — их топот приняли за шаги.

СБИТЫЕ САМОЛЁТЫ

На Москву были налёты немцев. Мы считали самолёты: один, два, три... Насчитали 19 самолётов. И вдруг наши открыли по ним огонь!

Самолёты стали падать как большие огненные шары. Мы их считали: насчитали 17. А на следующий день объявили: «Сбито семнадцать вражеских самолётов, двум удалось уйти».

СОЛДАТЫ

Мы жили в Загорске на Блинной горе. По проспекту Красной Армии шли солдаты, дети смотрели на них с восхищением и верили, что такая армия обязательно победит!

РАДИОПРИЁМНИК

С довоенных времён у нас дома был радиоприёмник «РП-8» Ленинградского завода.

Однажды к нам пришли люди и сказали, что радиоприёмник нужен для фронта, и забрали его. Я гордилась, что мы помогли фронту.

После войны его вернули. Оказалось, что он не был на фронте — его просто конфисковали...

ЛИСТОВКИ

Бомбили железную дорогу — единственную северную магистраль к Москве. Было очень страшно, мы насчитали шесть бомб, но в вокзал они не попали.

Немцы с самолётов бросали на город листовки. Самолёт опускался как можно ниже и из него начинали сыпаться листовки. Нас предупредили, что если их брать, то обязательно сдавать в милицию.

СТОЛОВАЯ

В годы войны в центре Загорска была столовая. Мы с радостью бежали в неё после уроков. Очередь была большая, но двигалась быстро.

Запускали в столовую по сорок человек. Дети съедали суп из металлических мисок и несли их на мойку. Миски быстро мыли, наливали в них суп и запускали следующих сорок человек.

Родители считали, что их дети сыты...

ПОДАРОК

Шла война, я училась в четвёртом классе. Родители были всё время на работе, и учительница заменяла нам маму. Мы её очень любили. Приближался праздник 8 Марта, и нам хотелось подарить ей подарок. Одна из родительниц где-то достала кусок чёрного мыла, у которого осыпались края.

Учительница обрадовалась подарку и дала каждому ученику по маленькой конфетке - драже. Это был настоящий праздник! Мы все радовались...

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

День Победы... Все кричали, плакали, плясали. Мы вышли из школы и стали смотреть на людей: нам было удивительно, что все целуются...

Кашлева Галина Ивановна (1933 года рождения)

ГОЛОДАЛИ, НО ВЫЖИЛИ

Во время войны мы жили в городе Красноармейске Московской обл. Отец был на фронте, в семье осталось семь человек.

Жили очень тяжело — война есть война... Брат ушёл на фронт добровольцем, старшая сестра — на лесозаготовки.

Голодали, но выжили. Посреди комнаты стояла печка, её труба выходила в форточку. Топить было нечем, приходилось ломать ступля. Весной собирали на полях картошку.

Я мечтала, чтобы мама послала меня за хлебом: если дадут довесок, его можно будет съесть! Хлеб сразу не ела, а сначала долго облизывала и перекладывала из одной щеки в другую. С войной у меня связаны плохие воспоминания: мама болела, а мы голодали...

Ероханова Клавдия Сергеевна (1929 года рождения)

МЫ СПАСЛИСЬ ОТ ГОЛОДА В ПТИЦЕГРАДЕ

*Война прошла, оставив раны –
Неизлечимые — в сердцах...*

Е. Хухтикова

Во время войны мы жили в деревне Ильинки Березняковского сельсовета Загорского района. Жили очень бедно, в семье было семеро детей.

Отец ушёл на фронт и пропал без вести. Два старших брата вернулись с фронта раненые: один — без ноги, второй долго лечился по госпиталям.

Наша семья голодала. Мама работала на скотном дворе, но домой ничего не приносила: было очень строго.

Я ходила в школу за 2 км из Ильинок в Назарьево. Обувь у меня вся порвалась: через речку шла босиком, а потом на другом берегу обматывала ноги старым тряпьем. Из-за этого заболела и лежала в больнице, но хотелось учиться, ходить в школу. Я всегда хорошо училась.

Работала на колхозных полях, вручную молотила овёс и пшеницу. Мне, как взрослой, ставили трудодни.

Семья жила настолько бедно, что мама посылала нас просить милостыню. И нам подавали...

Мы спаслись от голода в Птицеграде! Во время войны переехали в Птицеград, мама устроилась работать дояркой. Жили в старом бараке, но жить стало намного легче — мы, наконец, пришли в себя. Народ был хороший, отзывчивый: все старались помочь нашей большой семье.

В двенадцать лет меня отдали в няньки на Кирпичку. Я была довольна, потому что та семья жила намного лучше нашей. Там ко мне хорошо относились.

Да и весь народ был добрее, всегда помогали друг другу...

Волкова Валентина Георгиевна (1936 года рождения)

В ДЕТСТВЕ У МЕНЯ НЕ БЫЛО ДЕТСТВА

Мне 80 лет, из них 76 лет я прожила в Крыму, в Симферополе.

А.П.Чехов сказал: «В детстве у меня не было детства». Эти крылатые слова можно полностью отнести и к нашему поколению, и ко мне в том числе.

Отец ушёл на фронт, с которого не вернулся. Мама работала на кожкомбинате по 10-12 часов, а я была предоставлена самой себе, как и многие дети. Мне исполнилось шесть лет, но я считала себя вполне взрослой: в то время мы быстро выросли.

В моей детской душе навсегда запечатлелась картина, когда я увидела живых немцев. Люди в чёрной форме ехали на мотоциклах. В люльках мотоциклов сидели собаки! Стало страшно...

Потом наступили ещё более страшные дни. Нас, жителей Рабочего посёлка города Симферополя, сразу же переселили в бараки, которые находились за посёлком. Наши дома заняли враги...

Началось голодное время. Постоянно хотелось есть. Мы ели всё подряд. В одном из домов немцы открыли казино. Из открытых окон этого заведения по вечерам слышалась музыка — немцы развлекались. И вот мы, группа голодных ребятшек, как-то набрали на помойную яму, в которую немцы сбрасывали пищевые отходы. Там можно было найти кусочки хлеба, сыра, колбасы, красивые обёртки от конфет, полусгнившие овощи и фрукты. Для нас — голодных, затравленных, обездоленных детей — эти остатки с барского стола представляли несметное богатство. С молниеносной скоростью, немтыми руками, как говорится «в мгновение ока», всё отправлялось в рот.

Территория находилась под охраной. Постоянно дежурил немецкий патруль или татарские полицаи. Когда дежурили немцы, они подпускали нас к яме, хотя и говорили что-то на своём языке, называли «русскими свиньями». А когда дежурили татарские полицаи, они не допускали нас и близко! Очевидно, хотели выслужиться перед немцами.

Здесь будет уместным сказать ещё несколько слов о татарах. В детстве я слышала разговоры старших о том, что в газете «Красный Крым» опубликовали обращение татар к немецкому руководству: «вырезать за сутки всё русское население». Это обращение было отклонено. Правда это или нет, я не знаю — у меня нет документальных подтверждений. Но, как говорится, не бывает дыма без огня. Очевидно, И.В.Сталин, которого сейчас все ругают и измываются над его памятью, имел основания для депортации крымских татар. Ни мне разбираться в столь высокой политике, но факт остаётся фактом: часть татарского населения оказалась на службе у фашистов. Мы наблюдали это в годы оккупации, будучи ещё детьми.

Каждая нация имеет своих патриотов, героев, готовых отстаивать каждую пядь родной земли, и отщепенцев-предателей. Так случилось и с татарским народом — он не исключение. Многие татары служили в рядах Красной Армии, были Героями Советского Союза, многие из них погибли на полях сражений.

Далее я хочу рассказать о двух случаях, которые навсегда врезались в мою детскую память. Наша кошка родила котят, один из них был замечательно красив: чёрный окрас, зелёные глаза, белые ушки

и лапки. Он стал моим любимцем! Но в один из вечеров я лишилась его... Каждый день по домам ходил немецкий патруль. Он проверял наличие посторонних людей — фашисты боялись партизан, которых жители могли прятать. Патрульный зашёл к нам и сразу обратил внимание на моего любимца. Неразборчиво, в основном жестами, он объяснил маме, что ему очень понравился котик. И он его забирает, но возвратит, когда их часть будет сниматься с места. Моему детскому горю не было границ! Эту душевную травму я запомнила на всю жизнь. Но немец сдержал своё слово. Котик был возвращён, в придачу мы получили пакет с продуктами, на которых продержались целую неделю.

Или вот второй случай, который мог стоить мне жизни. Убегая от своего сверстника, а это произошло на улице Севастопольской города Симферополя, я чисто случайно на бегу задела немца, у которого в руках был котелок с обедом. Котелок оказался на земле, содержимое вылилось... Я остановилась перед немцем как вкопанная. До сих пор помню его страшные глаза и перекошенное от гнева лицо. В одно мгновение он направил пистолет прямо на меня. Но пистолет так и не выстрелил... Может быть, у немца остались дома такие же, как я, маленькие дети? А ведь запросто мог пристрелить! Я считаю, на то была воля Божья.

Будучи уже взрослой, я анализировала эти события из моей жизни и пришла к выводу, что и среди немцев были нормальные люди. Но эти люди выполняли приказы преступной элиты, которая пришла к власти.

Симферополь освободили в апреле 1944 года. Ликованию не было границ!

Мне исполнилось восемь лет, осенью я пошла в первый класс. Начинался другой период жизни нашей страны...

Выборнова Мария Дмитриевна (1933 года рождения)

В ОККУПАЦИИ

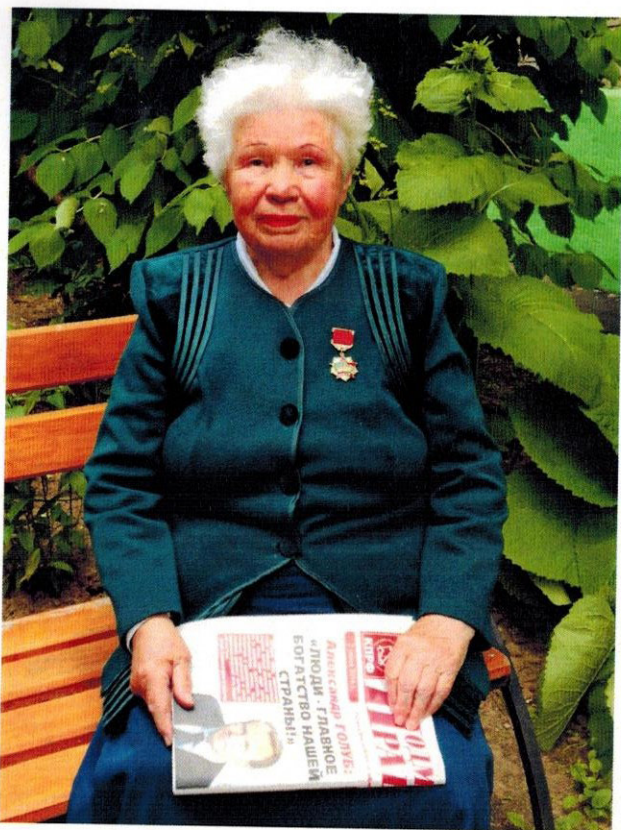
Мы жили в деревне Беляево Серебряно-Прудского района Московской обл., в семье было шестеро детей. Помню, как вечером приехали на мотоцикле трое разведчиков-немцев. Остановились в нашем доме на ночлег. Немец дал моему трёхлетнему брату шоколадку, а потом достал фотографию своей семьи с маленьким ребёнком и стал её показывать нам.

Утром они уехали, а вечером в деревню нагрянули немцы. Возле нашего дома установили пушки. Мы сидели в овощехранилище.

Немцы забрали наших кур и гусей.

В оккупации мы были неделю, потом немцы начали отступать. Отступая, подорвали все машины, сожгли скирды с зерном, погнали наш скот. Всё кругом горело...

Я работала в колхозе им. Л.Кагановича. Пасла колхозный скот, доила коров, ухаживала за поросятами. Собирала в поле колоски.

Салагина Валентина Сергеевна (1934 года рождения)

РЕБЁНОК ВОЙНЫ

Когда началась война, мне исполнилось 7 лет. Осенью 1941 года я пошла учиться в первый класс Краснозаводской средней школы.

Моё детство прошло в большой многодетной семье, я была четвёртым ребёнком. Мы жили в Краснозаводске в двухэтажном доме барачного типа на улице Строителей.

Трудности начались, когда осенью 1941 года отца призвали служить в ряды Советской Армии. Мама осталась одна с пятью детьми на руках, младшей сестре было всего семь месяцев.

В свои 82 года я хорошо помню первый год войны. Мы, дети, выживали как могли. Зимой старшие братья ездили в лес за дровами и брали меня с собой. Мы привозили дрова и топили печь, чтобы согреться.

Я училась хорошо, в школу ходила с большим желанием. Одежду и обувь донашивала за старшей сестрой. В школе было очень холодно: чернила замерзали в чернильницах. За партами мы сидели в пальто, писали на серой бумаге с двух сторон.

Летом стало немного легче: мы ходили в лес за ягодами и грибами. Собирали щавель и крапиву, варили суп. Готовили еду на примусе и керосинке. О сладостях я только мечтала... Очень любила подсолнечниковый жмых. Каким же он казался вкусным!

Однажды мама послала меня получать продукты, а я потеряла карточки, и мы голодали...

В Краснозаводске жила мамина сестра, она помогала нам: поддерживала морально, давала продукты.

Потом мы завели козу. Каким же вкусным оказалось у неё молоко!

Я очень хорошо помню День Победы. Мы побежали на площадь возле заводоуправления КХЗ — там собрали митинг. Все обнимались, плакали и кричали: «Победа! Долгожданная Победа!»

Землякова Евдокия Игнатьевна (1929 года рождения)

ЗА СОЛЬЮ

Мы жили в деревне Паршуки Вяземского района Смоленской обл. В семье было девять детей. Наша деревня располагалась в низине, поэтому немцы остановились в двух километрах от неё.

Когда пришли немцы, местные жители ушли в бомбоубежища. Каждое бомбоубежище было на пять домов. Мы забрали с собой все продукты, а вот про соль забыли.

Мама послала меня с младшей сестрой в деревню за солью. Немцы увидели движение и стали стрелять из миномёта. Было очень

страшно. Навсегда мне врезалось в память, как по нам, девчонкам, немцы били из миномёта!

Мины разрывались рядом с нами, а мы лежали и ждали, когда прекратится обстрел. А потом шли дальше, и снова падали на землю, когда начинали стрелять. Мы пережили страшный ужас войны...

Пришли в свой дом, а соли уже нет — немцы всё увезли... Мы с сестрой вернулись в бомбоубежище, но там никого не было! Я очень испугалась. Мы целый день сидели одни, затаившись, а вечером вернулась мама с маленькими детьми. Оказалось, что все ушли в соседнюю деревню за 4 км — там не было немцев.

Самый старший брат Михаил служил танкистом. Он был ранен и попал в плен. Отца тоже ранили на фронте, он пришёл к нам, в Смоленскую область, пешком. Немцы приняли его за партизана и хотели расстрелять.

Наша деревня три раза переходила от немцев к партизанам.

После освобождения в деревню пригнали маленьких бычков. Мы стали пахать на них землю. Пахали плугом вдвоём: один погоняет бычка, второй — пашет.

Я работала в колхозе «День Парижской Коммуны»: пропалывала лён, молотила рожь и овёс с помощью лошади, которая ходила по кругу.

Мы готовы были работать днём и ночью, лишь бы не было войны!

Курылёва Нина Иосифовна (1936 года рождения)

РЫЖИЙ ФИНН

Мне было шесть лет, когда пришли немцы. Мы жили в селе Ильинское Жуковского района Калужской обл.

Ночевали в землянке, которую выкопали сзади дома в огороде. Днём приходили в дом. В нашем доме была немецкая почта. Мы с младшей сестрой очень боялись рыжего финна — он топал ногами, когда сестра начинала плакать.

РАНЕННЫЙ БОЕЦ

Сзади огорода была баня. Мама нашла в ней русского бойца, всего израненного. Она украдкой носила ему еду. Немцы туда не ходили — боялись партизан. Однажды она пришла с едой, а солдат — мёртвый.

Выкопали возле бани могилу и похоронили его. Копать могилу

помогал старый сосед, которого не взяли на фронт. Мама отдала старику документы бойца, он обещал переслать их по указанному адресу.

МЁРТВЫЕ НЕМЦЫ

Однажды пришли русские солдаты и перестреляли всех немцев. Мёртвые немцы лежали на земле возле нашего дома. Потом приехала повозка, их погрузили и похоронили в яме на берегу реки.

ОТЕЦ

Отца призвали на фронт, но эшелон, в котором он ехал, разбомбили. С тяжёлыми ранениями отец попал в госпиталь.

Он вернулся раненный домой во время оккупации. Немцы его чуть не убили, посадили в холодный сарай. У отца из ран текла кровь, она примёрзла. Мама пошла в соседнее село к учительнице немецкого языка. Они вместе пришли к немцам на переговоры. После этого отца выпустили.

Несколько раз наше село переходило от немцев к русским.

Отца отправили в тыл в Сибирь. После операции в госпитале он вернулся домой и через полгода — в 1943 году — умер.

СТАРОСТА

В нашем селе был староста. Во время оккупации он служил немцам. После окончания войны его посадили на десять лет. Домой он уже не вернулся, у него осталось пятеро детей...

Генералова Клавдия Сергеевна (1926 года рождения)

НА ЛЕСОЗАГОТОВКЕ

Родилась я в деревне Васильково Егорьевского района Московской обл. У нас была корова. От голода мы спасались её молоком.

Во время войны я училась в школе. После занятий ходила на фабрику вязать сети, которыми ловили падающие самолёты.

В нашей семье было шесть человек детей. Я пошла учиться в сельскохозяйственный техникум на агронома.

Помню, как в техникуме нас учили стрелять.

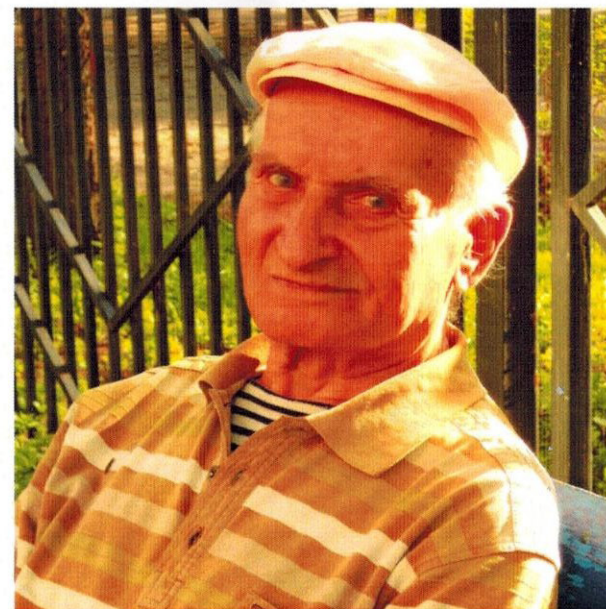
Мы ходили на заготовку леса для фронта. Работа была очень тяжёлой. Бывало, что дерево падало не туда, куда мы его валили. Однажды, спиленная берёза упала на другую и чуть не убила мою подругу.

НА СЕНОКОСЕ

Летом мы ездили на сенокос — заготавливали сено для скота. Косили, сушили, ворошили сено, стребали и стоговали его.

Работали на колхозных полях: пропалывали овощи, обрабатывали картофель, убирали урожай.

Сейчас жизнь тяжелее, чем в войну... Мы жили очень дружно, всё делали вместе.

Лебедев Константин Григорьевич (1931 года рождения)

ПАХАЛИ НА БЫКЕ

Во время войны мы жили в деревне Сивково Костромской обл. В семье было пятеро детей.

В июле 2016 года мне исполнится 85 лет, но я до сих пор помню, как в войну мы пахали землю на быке. Работали вдвоём: один водил быка по полю, а другой пахал... Никакой техники не было — всё делали вручную.

Шестаков Дмитрий Григорьевич (1936 года рождения)

ОТ БОМБЁЖКИ ПРЯТАЛИСЬ В ОГОРОДЕ

Мы жили в деревне Шустовка Рыльского района Курской обл. В семье было семеро детей, отец ушёл на фронт.

От бомбёжки прятались в огороде. Когда с неба начинали сыпаться бомбы, мы сильно пугались и бежали в огород.

Наша деревня была в оккупации с сентября 1941 года по 5 августа 1943 года. Из Брянских лесов к нам приходили партизаны.

Отступая, немцы оставили лошадь. Я привёл её домой, но на следующий день лошадь забрали наши бойцы и стали возить на ней раненных.

В 9 лет я пошёл в школу. Пахал землю на корове: лошадей не было.

С 1963 года живу в Птицеграде. Работал каменщиком, строил здание школы №8, новое здание института птицеводства, бройлерную, пятиэтажные дома возле школы.

В августе 2016 года мне исполнится 80 лет!

Федькова Клавдия Павловна (1930 года рождения)

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Мне было 11 лет, когда началась война. Мы жили на хуторе Ушаков Боковского района Ростовской обл. Воспитывали меня дедушка с бабушкой. Отец умер от скарлатины, мама овдовела в 19 лет. Через год она вышла замуж и оставила меня у родителей отца.

Дедушка и все старшие говорили, что к нам немцы не придут: мы жили в глубинке в 120 км от железной дороги. В июле 1942 года весь район заняли немцы. Они ехали на мотоциклах в сторону Дона в течение трёх дней. Ходили по домам и требовали выносить им яйца, молоко, варёных кур. На четвёртый день пошёл конный обоз. Пыль стояла такая, что ничего не было видно.

Нас выгнали из дома, и мы переселились в погреб. В полночь налетели самолёты, и начался такой ужас, что дрожала земля. Самолёты бомбили, зенитки стреляли, а мы ждали смерти. Бабушка

стояла на коленях и молилась. Этот кошмар продолжался три дня, потом обоз уехал.

Появилось много немцев: они тащили овец, коров, кур, загружали их в большие машины и увозили.

Наши войска располагались в степи, иногда случались перестрелки. В конце августа немцы тихо отступили, особой стрельбы не было.

Утром дедушка вылез из погреба, смотрит: никого нет, кругом — тишина. Вечером пошли цепью наши солдаты, мы очень обрадовались им.

В октябре хутор снова заняли немцы. В нашем доме устроили наблюдательный пункт. Портные шили обмундирование. Ночная стрельба велась из больших орудий. На стороне немцев воевали румыны и итальянцы.

Мы голодали, потому что негде было готовить еду. Бабушка была смелая и иногда просила у немцев суп и немного хлеба для детей. Итальянцы иногда давали ей густой овощной суп, но мы и этому были рады...

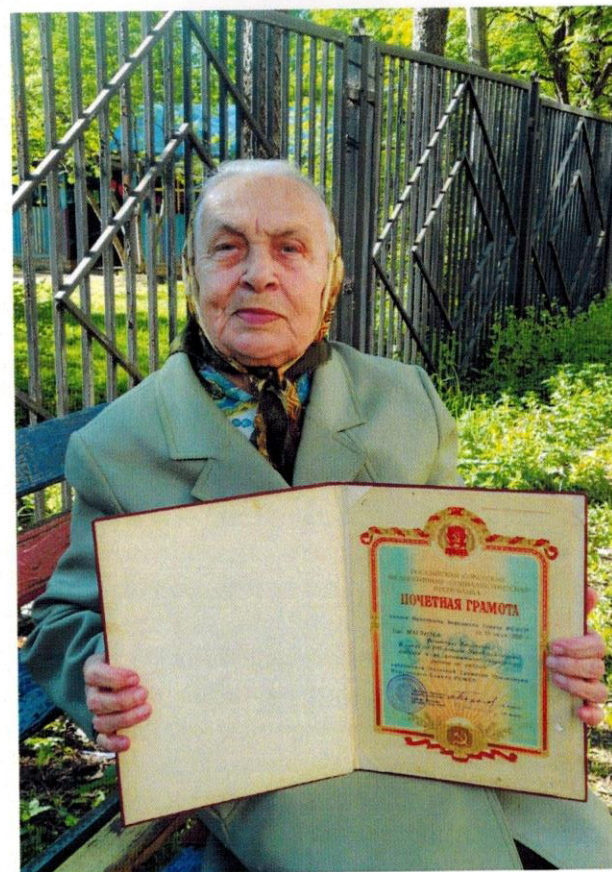
В конце ноября начались сильные бои днём и ночью. Нам очень хотелось пить. Как только затихало, дедушка старался достать снега.

После продолжительных ожесточённых боёв хутор заняли наши солдаты-узбеки. Им нужны были продукты. Люди всё отдали: единственное, что осталось — сало (узбеки его не взяли).

В конце декабря наши снова отступили... Потом приехали немцы, они были очень злые, рылись в сундуках, но никого не трогали.

В начале февраля нас освободили! Немцы отступали ночью. Утром дедушка вышел и сказал, что наш хутор горит. Крыши домов были покрыты соломой, стены — из брёвен. Мы стояли и смотрели, как горел весь хутор...

С этого времени стало тихо и голодно. Вся наша одежда была во вшах. Начались новые трудности, но мы уже не боялись смерти!

Мызина Валентина Васильевна (1931 года рождения)

ПОЧЁТНАЯ ГРАМОТА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Во время войны мы жили в деревне Ряхово Зарайского района Московской обл. В семье было четверо детей, отец ушёл на фронт.

Над деревней летали немецкие самолёты, всё кругом горело. От огня из леса в деревню бежали волки, они съели всех собак. Я пасла колхозный скот, было очень страшно...

Во время летних каникул весь наш класс вместе с классным руководителем работал на полях колхоза «Зимёнки». Мы выращивали картофель, овощи, заготавливали сено: сгребали и стоговали его. В сентябре убирали урожай, поэтому учебный год начинался только в октябре.

Во время войны и в послевоенное время мы очень много работали. Я трудилась на Зарайской обувной фабрике, занималась общественной работой, была комсоргом.

В июне 1958 года меня наградили Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР за активную безупречную работу. Эту грамоту я бережно храню до сих пор...

Благова Валентина Ивановна (1935 года рождения)

КТО ПЕРЕЖИЛ ВОЙНУ, ЗНАЕТ, КАК ЭТО СТРАШНО!

Когда началась война, мне было 6 лет, а сестре — 4,5 года. Наш отец погиб на Финской войне, которая длилась с 30 ноября 1939 г. по 12 марта 1940 г.

Сейчас о Финской войне не вспоминают, а она изуродовала судьбу нашей семьи. Мы — папа, мама, бабушка, сестра и я — жили в Петрозаводске в военном городке. Отец в звании капитана служил в артиллерийском полку и был отправлен на войну с белофиннами. Его письма с фронта из Карельских лесов мама сохранила на всю жизнь, и я их бережно храню. За две недели до окончания Финской войны папа погиб. Мы получили похоронку из одной строки: «... в бою с белофиннами, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, убит 17 февраля 1940 г.»

Я помню, как у нас собирались офицерские жёны и вместе оплакивали своих мужей.

В августе 1941 г. нас эвакуировали в Кировскую обл., Котельничский район. Мы долго ехали в товарных вагонах, которые называли «телятниками». Попадали под бомбёжки. Иногда поезд останавливали и давали команду покинуть вагоны и бежать прятаться в лес. Было страшно! А иногда, в каких-то пунктах, всех выводили из вагонов и вели в санпропускники для мойки и дезинфекции. Ведь в вагонах-телятниках была антисанитария... Стояли печурки для обогрева и приготовления пищи. Однажды, при толчке вагона, мама коснулась рукой раскалённой печки и сильно обожглась. Лечилась, как могла. Шрам остался на всю жизнь. В санпропускниках персонал пытался всех детишек стричь наголо, чтобы не было вшей. Но мама ухитрилась спасти мои косички.

Местное население встретило эвакуированных недружелюбно, стало называть «ковырянными». Женщин с детьми разместили в избах местных жителей. Мы оказались в доме мрачного, с длинной бородой, зажиточного мужика, его супруги и невестки с маленьким ребёнком. Нам выделили комнатку, в которой не было даже двери, а проём занавешивало полотно. Надо было чем-то питаться, и все женщины пошли работать в колхоз.

Мама с бабушкой получали на трудодни картошку. Наша хозяйка опускала её для хранения в подпол под кухней — рядом со своей. Этих запасов нам не хватало. Мама, как портниха, обшивала хозяйскую сноху, и ей платили в основном картошкой из того же подпола. Как выяснилось, из нашей же кучки! Это заметила бабушка.

Хозяева ждали вестей от сына с фронта. В одном из писем он писал: «Тянька и маменька, пришлите мне крестик, спрячьте его в перчатку...» Местное население было очень странное: не радовалось успехам нашей армии в боях с врагом. Хозяин мрачнел, когда узнавал, что наши наступают.

Время от времени к хозяевам приезжал из района какой-то родственник — молодой мужчина. Почему-то он не был в армии. Он напивался, ругал всех «ковырянных», лез в драку. Пил на кухне и рвался к нам в комнатку через дверной проём с занавеской. Угрожал расправиться! Хозяин с хозяйкой удерживали его за рубаху как могли. Мы дрожали от страха, а один раз вырвались из дома и разде-

тые побежали по снегу в сельсовет. Буяна забрала милиция, а хозяева стали злиться на маму и бабушку.

Иногда хозяин уезжал в лес на санях за дровами. Он брал с собой маму, не желая отапливать нас задаром. Мама очень боялась таких поездок. Леса вокруг деревни стояли дремучие.

К хозяевам приезжал из соседнего села мальчик лет двенадцати. Однажды меня отпустили к нему в гости. Была зима, мальчик на санях управлял лошастью. Ехали мы долго, и я на всю жизнь запомнила волчий вой — звери сопровождали нас всю дорогу, а мальчик стегал лошадь изо всех сил...

В ту зиму было так много снега, что весной вдоль улиц потекли прозрачные ручьи. В этой воде я полоскала пелёнки хозяйского внука.

Жизнь эвакуированных в деревне становилась невыносимой из-за отношения местных, и тогда женщины написали письмо-жалобу Н.М. Швернику — в годы войны он возглавлял Совет по эвакуации. Письмо дошло, и реакция была незамедлительной: положение несчастных вдов с детишками улучшилось. В дело также вмешался мамин брат. Он служил лётчиком, летал на истребителе, и мама написала ему письмо. Когда дядя получил отпуск после ранения, он приехал разбираться, но опоздал: началась реэвакуация. Мы уехали за несколько дней до его приезда. Дядя рассказывал, как наши хозяева заискивали перед ним. Бог им судья!

Вернулись мы домой в Петрозаводск в 1943 году, но мытарства наши продолжились. В эвакуацию нас отправляли летом, в одних платьях, и уверяли, что это не надолго. Наша квартира осталась со всем содержимым: мебелью, одеждой, посудой и т.д. Её облюбовал какой-то военный чин, кажется, генерал, и его не посмели потревожить.

Нашу семью и других женщин-вдов отправили на окраину Петрозаводска. Все отказались ехать... И тогда нас повезли на север Карело-Финской ССР, высадив в городе Сегежа. Почему? За какие грехи? Остаётся только гадать — теперь свидетелей нет. В Сегеже нам предложили жильё в финском доме — деревянном, но загаженном до предела. Говорили, что финны превратили часть комнат в отхожее место. Зимой все нечистоты промёрзли, а мы приехали весной, и всё

начало таять... Женщины постепенно превратили дом в приличное жилище.

Там, в Сегеже, мы с сестрой пошли в школу. Мне было 8 лет. Училась я хорошо — до сих пор храню почётные грамоты. Мама устроилась портнихой в пошивочную мастерскую. С ней работали пленные, но не немцы, а прибалты. Было голодно — ведь ещё шла война. Нас выручали посылки с консервами и с одеждой.

В День Победы я рыдала от отчаяния, что с нами нет папы.

Какое-то время мы прожили в Сегеже — чужом для нас городе, и начались наши скитания по России, по родственникам. Но мама всё выдержала, работала, выучила нас с сестрой. И бабушка всегда была с нами — до конца своей жизни.

Тихомирова Любовь Прокофьевна (1938 года рождения)

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТ С ФРОНТА

В годы войны мы жили в Загорске на 2-ом Кирпичном заводе. Помню, как встречали солдат с фронта.

На станцию пришёл эшелон. Стали кричать: «Солдаты, солдаты вернулись!» Мы жили в длинном бараке. Все вышли встречать, собралась толпа. Смотрим, идёт к нашему бараку несколько человек.

Моя мама с тремя детьми, наши соседи — все встречали солдат! Даже те, кому ждать было некого...

Я увидела, что идёт мой отец с вещмешком за плечами. Он сильно хромал после ранения. Все стали обнимать его, целовать.

Были слёзы, радость, восторг!

На улице накрыли стол. Принесли кто что смог: кто — самогон, кто — картошку, кто — огурцы. Гуляли всем бараком, а барак был длиннющий! Люди жили дружно, как одна семья, всегда помогали друг другу.

СОДЕРЖАНИЕ

«Вспомнитесь в собственную память...»	3
Детям войны посвящается	5
Гильберт Зоя Сергеевна	9
Волошина Людмила Ильинична	12
Краснова Елена Васильевна	14
Уткина Раиса Васильевна	16
Урвачёва Мария Васильевна	19
Шахнова Людмила Васильевна	20
Кашлева Галина Ивановна	23
Ероханова Клавдия Сергеевна	24
Волкова Валентина Георгиевна	26
Выборнова Мария Дмитриевна	29
Салагина Валентина Сергеевна	30
Землякова Евдокия Игнатьевна	32
Курылёва Нина Иосифовна	34
Генералова Клавдия Сергеевна	36
Лебедев Константин Григорьевич	37
Шестаков Дмитрий Григорьевич	38
Федькова Клавдия Павловна	39
Мызина Валентина Васильевна	41
Благова Валентина Ивановна	42
Тихомирова Любовь Прокофьевна	46